

Министр обороны Российской Федерации Сергей Шойгу на встрече с научной общественностью Сибирского отделения РАН заявил, что «нам необходимо в Сибири построить три, а лучше пять крупных центров научно-промышленных, экономических центров, проще говоря — городов с населением 300–500 тысяч, лучше — до миллиона человек. И не просто город построить и столицу сюда перенести, а сделать их совершенно конкретно направленными на ту или иную сферу деятельности».

Заявление вызвало неоднозначную оценку, многие сочли его предвыборной риторикой, хотя, как известно, один из главных долгожителей в российской власти и политике никогда в популизме и пустых обещаниях замечен не был. Видимо, речь действительно идет о перспективных проектах, которые обсуждаются и прорабатываются в высших эшелонах российской власти. Идея масштабного массового освоения Сибири и Дальнего Востока практически постоянно обсуждается и в медийной среде, и доводы в её пользу достаточно известны, чтобы их повторять в очередной раз. Однако есть и вполне очевидные препятствия для осуществления столь глобальных планов, первый из которых также вполне очевиден их громадная стоимость, колоссальные ресурсы, которые нужно где-то изыскать, а значит, изъять из других сфер, возможно, посадив на «голодный паек» регионы Центральной России. Насколько это себя оправдает, не вызовет ли больших экономических и социальных проблем? И главное, где взять, используя близкую министру обороны терминологию, «личный состав» для новых городов? Демографические проблемы России общеизвестны, ценой больших усилий власти удается избежать ощутимого снижения численности населения (это объективный демографический процесс в современном мире), т. е. заселение новых городов может проходить только в ущерб другим регионам, притом что отрицательная динамика наблюдается не только за Уралом. Население мигрирует уже в имеющиеся мегаполисы (прежде всего в столицы), и это также объективный процесс, имеющий место во всем мире. Также имеет место процесс миграции в направлении «Север Юг». Чем стимулировать переезд во вновь возводимые города? «Создание новых рабочих мест» там я бы назвал дежурной мантрой. По большому счету проблемы безработицы регионов, где сложно найти любую работу, в России нет. Есть, извините, что называю вещи своими именами, безынициативные люди, не способные на серьезные решения в

своей жизни, такие как переезд в другой регион за более высокими заработками и уровнем жизни, или вообще маргиналы и деклассированные элементы (ну, что есть, то есть). Из них формировать население городов, которые должны стать центрами науки и высокотехнологичной промышленности? К слову, подобные проблемы были и в СССР, когда на «стройки коммунизма» в массовом порядке направлялись отбывшие наказание граждане. В результате возникавшие там города становились не передовыми в плане политической и прочей сознательности населения, а совсем наоборот лидерами в криминальной статистике.

Т. е. стимулировать в новые центры придется очень серьезными бонусами типа предоставления жилья (представьте масштаб расходов) и куда более высокими зарплатами, причем «навсегда», что, в свою очередь, неизбежно поставит вопрос об экономической эффективности и конкурентоспособности предприятий в новых городах. Да и чем занять жителей новых городов? Времена, когда возводимые по централизованным планам предприятия требовали десятков тысяч работников и возле них возникали крупные города, прошли. Некогда строительство Братской ГЭС и Братского алюминиевого завода привели к появлению города Братска с населением 250 тыс. человек, а Усть-Илимской ГЭС Усть-Илимска с 80 тыс. жителей. Ныне же для возведения и последующей эксплуатации Богучанской ГЭС (близкой по мощности названным выше) и Богучанского алюминиевого комбината вполне хватает города Кодинска и поселка Таежный с общим населением около 25 тыс. человек. Не слышно о появлении новых крупных городов и возле таких масштабных проектов, реализуемых в России, как Амурский газоперерабатывающий завод (объем инвестиций 19 млрд евро), а строительство гигантского судостроительного комплекса «Звезда» в городе Большой Камень Приморского края лишь стабилизировало численность его населения на уровне около 40 тыс. человек (в 1989 было 65 тыс. жителей). Современные города с населением в несколько сотен тысяч человек это не несколько промышленных гигантов с десятками тысяч сотрудников, а тысячи предприятий разных направлений деятельности, с разным количеством работников, но редко превосходящим несколько сот сотрудников, созданных в основном частным капиталом. Понятно, что в порядке централизованного планирования их не создать, нужна инициатива частного бизнеса, чтобы он был заинтересован перебираться в новые города. И это еще одна из проблем, возникающих при реализации такого проекта. В общем, проект дискуссионный. И тем не менее базис под ним есть, возможно, пока не озвучиваемый публично, но во всяком случае достойный серьезного рассмотрения. Вполне вероятно, что контингент для новых городов в Сибири предлагается несколько иной, чем россияне из центральных регионов. Год назад «Альтернатива» опубликовала материал «Россия будет прирастать европейцами», в котором предсказала взрывной рост миграционных настроений в странах «первого мира» в самые ближайшие годы. Причины очевидны: все более увеличивающееся количество представителей «нетитульных наций» в европейских

странах и хозяйничанье BLM в США, все более и более наглое их поведение, рост уличной преступности в недавно еще спокойных и безопасных городах, регулярные беспорядки и погромы, которые будут тушиться новыми льготами «обездоленным», ложащимися дополнительным налоговым бременем на работящих аборигенов, общее падение уровня жизни. А также «позитивная дискриминация», уже повсеместно приводящая к тому, что на фирмы ложится тяжкая обуза из бесполезных, но расово или в ином плане «правильных» работников, а остальным приходится работать «за себя и за того парня». Одновременно агрессивное навязывание толерантности (называя вещи своими именами сексуальных извращений), начиная с детских садов, что, в принципе, уже имеет место быть в полной мере. И все это при мощном идеологическом прессинге, травле несогласных, которая по накалу и, я бы сказал изощренности, уже превосходит преследования диссидентов в советские времена. А что случается, когда энная часть граждан начинает себя чувствовать в собственной стране все более и более неуютно и не видит реальных надежд на изменение ситуации к лучшему, общеизвестно начинается эмиграция. Об этом уже сейчас многие начинают задумываться в западных странах, и можно не сомневаться, что со временем количество задумавшихся будет расти лавинообразно. При этом вирус политкорректного безумия охватил весь западный мир, отдельные страны-диссиденты, в основном младоевропейцы (Польша и Венгрия), не настолько сильны и субъектны, чтобы устоять перед ним в исторической перспективе. И тут нужно вспомнить о настоящем русском феномене. На русскую службу, военную и гражданскую, устраивались аристократы, приезжали торговцы, ремесленники, инженеры и т. п., вплоть до немецких, шведских крестьян-колонистов. И огромное их количество навсегда оседало в России, давая начало видным и не очень династиям в самых различных видах деятельности. Причем процесс этот начался еще в допетровские времена, ведь род великого русского поэта ведется от шотландца Лермонта, оказавшегося в России в Смутное время, да так тут и осевшего. Примерно тогда же укоренился родоначальник Александра Грибоедова поляк Гржибовский (чья фамилия была русифицирована потомками) и т. д. и т. п. Никакой публикации не хватит перечесть известных «эмигрантов» (ведь сегодня их так следует называть), для которых Россия стала второй родиной, а для потомков первой и единственной. Причем подобного не было нигде. Многие страны выступали догоняющими по отношению к европейской цивилизации, но «специалисты», отработав свое, возвращались домой. Точно так же не возникли устойчивые европейские диаспоры в странах, попавших под колониальное управление (Индия и др.) Массово переселялись европейцы лишь в «белые колонии» (т. е. в колонии в изначальном смысле этого термина, а не просто захваченные земли), возникавшие там, где туземцы пребывали в первобытнообщинном строе без городов и других признаков цивилизации (за немногими исключениями в Латинской Америке в XVI веке), строя там «новую Европу», в которой уцелевшим аборигенам отводилась роль самой низкостатусной прослойки, как правило, лишенной любых прав. Причину этого нужно видеть в том, что, держась от остальной европейской, христианской, цивилизации особняком, Россия является неотъемлемой её частью, что адаптация была неизмеримо более легкой, чем в других местах. Прервался процесс иммиграции в Россию лишь с социалистической революцией, после которой миграция существовала исключительно из неё. Сегодня же в России уже обитают десятки тысяч граждан стран нынешнего «золотого миллиарда», причем это не только те, кто приехал на время поработать по предложенным контрактам. Все больше жителей Европы, США и ЮАР

видят в России потерянный рай, «Запад, который они потеряли». Год назад мы отмечали, что для России, помимо ментально близких жителей бывшего СССР, это огромный шанс получить дополнительный ресурс развития, решить проблемы демографии и освоения Сибири, Дальнего Востока и т. п. Ведь, скажем, и США достигли пика своего могущества в огромной степени благодаря иммиграции из Европы в XIX–XX веках (потомков первых переселенцев будем считать коренным населением собственно для государства США), оставшись при этом страной со своими изначальными традициями и менталитетом, переварив всех в своем «плавильном котле» (то, что происходит в США сейчас, уже другая история). Есть все основания считать, что и Россия переварит мигрантов из стран христианской культуры, как переварила многочисленных переселенцев оттуда в царские времена. Массовая миграция в США носила в основном экономический характер, ехали за лучшей долей, т. е. основной поток иммигрантов составляли люди бедные, а значит, не особо квалифицированные. При политической же эмиграции бегут представители всех социальных слоев. И это дает возможность заполучить лучших специалистов в наиболее важных для неё сферах, да и в целом регулировать процесс в нужном для себя ключе по количеству (чтобы не было перебора) и качеству иммигрантов, что, к слову, делают по сей день США, еще не до конца потерявшие миграционную привлекательность. Напрашивается балльная система оценки потенциальных мигрантов, исходя из профессии, квалификации, возраста и т. п., к которой я бы добавил и систему политических взглядов, которую во времена Интернета и соцсетей несложно определить. Либералы пусть остаются наслаждаться миром своей мечты. И повторюсь, хотя пока очереди у российских консульств в западных странах кажутся фантастикой, все может изменится очень быстро. Готовиться к этому на уровне отработки сценариев нужно уже сейчас. И весьма вероятно, что подготовка к этому уже идет. Создание «эмигрантских» городов один из способов повысить миграционную привлекательность России для них. Мигранты всегда стараются держаться друг друга, Брайтон-бич и «чайна-тауны» наглядный тому пример. Для нынешнего же обитателя «первого мира» эмиграция ментально тяжелей, чем для прочих. Из остальных стран эмиграция происходит постоянно, тамошний житель постоянно слышит о таких случаях, имеет уехавших знакомых и родственников, и это значительно облегчает принятие собственного решения. Американцам и европейцам в этом плане решиться кардинально сменить обстановку гораздо сложнее. Поэтому возможность переехать в «новую Америку» или «новую Германию» в Сибири, где в значительной мере будет привычное окружение и обычаи, станет веским дополнительным поводом для такого решения. «Конкурсный», выборочный, подход подразумевает и то, что обустраиваться на новом месте эмигрантам придется в основном на свои капиталы, вывезенные с собой, на них строить жилье и открывать бизнес. А значит, и расходы российского государства на создание новых городов будут кардинально ниже, ввезенные с собой эмигрантами капиталы станут дополнительным «топливом» для развития российской экономики. Эти капиталы станут реальным драйвером для окрестных регионов, создавая спрос на продовольствие, стройматериалы и множество других товаров и услуг. Ну, а крупные инвесторы, включая высокотехнологичные производства и инновационные предприятия, сами придут в города с высококвалифицированной и качественной рабочей силой. Сибирь и Дальний Восток получат сильнейший толчок развития, причем без ущерба для остальных регионов России. И вполне просматривается глубокий смысл того, чтобы потенциальным

мигрантам именно этот регион прежде всего предлагать для заселения. Уверен, такое решение не несет для России геополитических рисков даже в отдаленной перспективе. Миллион-два переселенцев из «первого мира» (о большем в обозримой перспективе, полагаю, пока речь не идет) способны кардинально развернуть экономические тренды в данном регионе, но решающего влияния на национальный состав населения не окажут, да и сложно представить сепаратистские движения в отдельных разбросанных на огромной территории городах. Повторюсь, культурных и всех прочих различий между русским и западным миром гораздо меньше, чем с тем же исламским, и «конфликт цивилизаций», который имеет место на Западе, совершенно не просматривается в данной ситуации. Да и процесс их интеграции в российское общество, пусть и не самыми быстрыми темпами, будет идти. Вполне логичным выглядит и предоставление таким анклавам прав национально-культурных автономий. В конце концов, Россия многонациональная страна, ставшая домом для многих народов, и та же немецкая диаспора в ней существует не одно столетие. И почему бы в ней не появиться новым достойным, способным принести немалую пользу стране членам? Уверен, это большой шанс для России, который не хотелось бы упустить

ОРИГИНАЛ